

Было больше десяти вечера, машин на дороге поубавилось. Ночью было не жарко, водитель не включал кондиционер, и Лян Сычжэ опустил окно, чтобы впустить поток свежего воздуха. На красный свет водитель резко затормозил, и голова Цао Е соскользнула с подголовника, ударившись о плечо Лян Сычжэ. Лян Сычжэ поднял руку и подвинул его голову, чтобы он снова облокотился на спинку сиденья.

Те, кто хорошо знал Лян Сычжэ, считали его замкнутым. Одним из проявлений этой замкнутости было неприятие физических контактов. Неважно, насколько близкий друг обнимал его за плечи — через десять секунд Лян Сычжэ аккуратнo снимал с себя его руку.

Сам Лян Сычжэ не мог объяснить, откуда у него эта особенность. Сколько он себя помнил, ему никогда не нравилось прикасаться к другим людям. Нельзя сказать, что у него была тактильная дефензивность, но он определённо был более чувствителен к прикосновениям, чем большинство людей. Однако за время проживания в «Лазурной вечеринке» эта его особенность практически исчезла благодаря Цао Е. Сначала он даже подозревал у Цао Е какую-то форму тактильной жажды, иначе почему тот так любил прижиматься к нему? Но потом привык и перестал снимать руку Цао Е со своего плеча, потому что тот всегда возвращал её на место. Например, он передвинул голову Цао Е — и пару минут спустя снова ощутил у себя на плече её тяжесть. После нескольких попыток Лян Сычжэ привычно сдался.

У Лян Сычжэ были прямые и довольно костлявые плечи. Цао Е было неудобно, и через несколько минут он снова откинулся на спинку сиденья, но вскоре его голова сползла на плечо Лян Сычжэ. Наблюдая за мучениями, Лян Сычжэ подумал, что у того, должно быть, уже болит шея. Было видно, что ему действительно очень неудобно. Когда до «Лазурной вечеринки» осталась всего улица, голова Цао Е с силой ударилась о плечо Лян Сычжэ, он даже почувствовал боль в плече.

Цао Е проснулся, выпрямился и, потирая лоб, пробормотал:

— Меня тошнит.

Из-за шума ветра Лян Сычжэ не расслышал и переспросил:

— Что?

— Голова кружится, меня тошнит, — повторил Цао Е громче.

Не успел Лян Сычжэ ответить, как водитель, предчувствуя катастрофу, резко затормозил у обочины и сказал:

— Только не в машине! Высажу вас здесь — осталось немного, дойдёте пешком.

— Но у меня, возможно, не хватит денег, — Лян Сычжэ наклонился вперёд, опершись рукой на переднее сиденье. — Я хотел расплатиться, когда доедем, сходить домой за деньгами...

— Сколько у тебя есть? — спросил водитель, повернувшись.

— Пятьдесят юаней, — Лян Сычжэ достал из кармана купюру в пятьдесят юаней.

— Ладно, пятьдесят так пятьдесят. Лучше так, чем он мне тут всё заблюёт, — водитель взял деньги и махнул рукой, показывая, чтобы они поскорее выходили, опасаясь за чистоту своего салона.

Лян Сычжэ помог Цао Е выйти из машины, усадил его на обочину, наклонился, уперев руки в колени, и сказал:

— Ну, давай, молодой господин, блюй.

Лян Сычжэ до сих пор не понимал, как Цао Е умудрился так напиться. Ведь он сам тоже выпил остатки того вина, но ничего не почувствовал... В нём было от силы градусов пять-семь, ну, точно не больше десяти.

Цао Е так и не вырвало. Просидев на корточках какое-то время, он поднял голову и сказал, глядя на Лян Сычжэ:

— Я хочу писать.

— Так тебя тошнит или ты хочешь писать?.. — Лян Сычжэ начинал думать, что этот молодой господин — настоящая головная боль.

Цао Е подумал и уверенно ответил:

— Хочу писать.

Лян Сычжэ выпрямился и огляделся. Общественных туалетов поблизости не было, а справлять нужду прямо на улице казалось неприличным, тем более что время было ещё не позднее — на главной дороге полно людей...

— Ну, тогда ничего не поделаешь, — тихо сказал он. Затем, посмотрев на Цао Е, добавил, — потерпишь до дома. Пойдём, — и протянул руку, чтобы поднять Цао Е.

Вставая, Цао Е пробормотал:

— Я больше не могу терпеть.

— Ну, тогда можешь намочить штаны, — безжалостно ответил Лян Сычжэ.

Цао Е шатался из стороны в сторону, но при этом, казалось, был уверен в себе и пытался вести Лян Сычжэ. Тащить пьяного, который был практически одного с ним роста и веса, было и так

тяжело, а тут ещё и приходилось следить, чтобы Цао Е не свалился в какую-нибудь канаву. «Современные дети так рано взрослеют?.. — стиснув зубы, подумал Лян Сычжэ, в очередной раз придав Цао Е верный курс. — И зачем ему было расти таким высоким?» Сейчас ему уже было плевать на прикосновения. Он схватил Цао Е за руку и притянул его ближе, чтобы было легче контролировать его движения.

Цао Е впервые в жизни напился и чувствовал себя ужасно. Открыв глаза, он увидел, что мир перевернулся, и всё вокруг расплылось. Уличные фонари превратились в размытые пятна, неоновые вывески магазинов мерцали разноцветными огнями, сливаясь в яркие озёра, словно кто-то разлил по его сетчатке целую палитру красок. Он подумал: «Где это я? Кажется, я здесь никогда не был...» Он попытался сфокусировать взгляд, чтобы лучше разглядеть окружающее пространство, но так и не смог понять, где находится. «Должно быть, это Яньчэн? — вдруг осенило Цао Е. — Лян Сычжэ забрал меня с собой в Яньчэн!» Он повернулся, чтобы посмотреть на Лян Сычжэ. Тот, с покрытым испариной лбом, с трудом тащил его, слегка нахмурившись. Когда его ресницы дрогнули в неоновом свете, Цао Е вдруг услышал пение цикад на деревьях.

— Не волнуйся... — неожиданно почти выпалил Цао Е.

В этот момент на углу резко визгнули тормоза. Две машины чуть не столкнулись, и Цао Е, отвлекшись на звук, повернул голову. Лян Сычжэ с недоумением посмотрел на него:

— Не волноваться о чём?

Мозг Цао Е и так работал с трудом: отвлекшись, он совершенно забыл, что хотел сказать. Напряжённо подумав, он наконец выдал:

— Хочу писать.

Улица Иньсы в длину была метров двести, «Лазурная вечеринка» находилась в самом её конце. Лян Сычжэ, поддерживая Цао Е, остановился в начале улицы, вытер пот со лба и прикинул, за сколько они добредут до конца переулка. Он подумал, что пока они доберутся до номера, Цао Е и правда может намочить штаны...

Сделав ещё несколько шагов вместе с Цао Е, он остановился у входа в лапшичную «Лао Ду», чтобы спросить, можно ли воспользоваться туалетом. В последнее время они часто заходили сюда поесть и постоянно бродили по этой улочке, так что практически стали постоянными клиентами. Хозяин радушно пригласил их войти, открыл дверь туалета и, прежде чем уйти, с любопытством посмотрел на Цао Е:

— Что это с ним? Так напился?

— Плохо переносит алкоголь, — ответил Лян Сычжэ, поблагодарив хозяина, и помог Цао Е войти.

Он подвёл Цао Е к унитазу, наклонился, чтобы поднять крышку, и, выходя, похлопал его по плечу:

— Сам справишься?

Цао Е начал молча расстёгивать ремень. Лян Сычжэ потянул на себя дверь и уже собирался выйти, как вдруг услышал возглас:

— Ой!

Обернувшись, он увидел, что Цао Е, потеряв равновесие, шагнул вперёд и ударился коленом о край унитаза. Теперь он стоял, согнувшись, и потирал ушибленное место:

— Как же больно...

У Лян Сычжэ голова шла кругом. Он хотел уйти и предоставить Цао Е самому разобраться с проблемой, но всё же не смог его бросить. Обречённо вздохнув, он подошёл и спросил:

— Всё в порядке?

Ремень Цао Е уже расстегнул, собачка молнии была спущена вниз. Когда Лян Сычжэ посмотрел на колено Цао Е, его взгляд случайно упал выше, на расстегнутую ширинку, и он тут же отвёл глаза, подумав: «И правда, нынешние дети рано взрослеют...».

Цао Е, потерев колено, неловко встал. Лян Сычжэ стоял у него за спиной, поддерживая плечом, чтобы тот снова не упал. Цао Е, видимо, решил, что раз сзади есть опора, можно расслабиться, и не церемонясь прислонился к нему, справляя нужду. Слушая доносящееся сбоку журчание, Лян Сычжэ подумал, что этот день выдался на редкость мучительным. Даже без учёта прослушивания дальнейшие события дня доставили ему немало хлопот [1]. Сначала его с Цао Е поймали за «непристойностями» в студии, потом он потратил несколько тысяч юаней на ресторан и развозы туда-обратно, а теперь вот поддерживает Цао Е, пока тот мочится... Что за день такой!

[1] 喝壶 (hē yī hú) — дословно «выпить чайник». Идиома, которая означает «столкнуться с неприятностями» или «получить нагоняй».

Стоя близко, Лян Сычжэ почти физически ощутил, как Цао Е закончил и пару раз встряхнулся, услышал, как застегнулась молния и звякнула пряжка ремня. Выйдя из туалета, Лян Сычжэ поблагодарил хозяина. Тот принимал заказ у посетителей, и, услышав слова благодарности, мельком глянул на них и ответил:

— Да не за что.

Выйдя из лапшичной «Лао Ду», Цао Е мешком навалился на Лян Сычжэ. Тот, поддерживая его за плечо, смотрел на мерцающую вывеску «Лазурной вечеринки» и впервые подумал, что эта улочка слишком длинная. Он решил действовать быстро и решительно: поскорее дотащить Цао Е обратно — и дело с концом. Неизвестно, сколько времени уйдёт на дорогу, если вот так тянуть его на буксире. Он окинул Цао Е взглядом и подумал, что, наверное, сможет его унести на спине. В конце концов, он на пару лет старше и, следовательно, сильнее.

Лян Сычжэ слегка наклонился перед Цао Е, стиснув зубы, поднял его на спину и проворчал себе под нос:

— Парень, ты тяжёлый, какдохлая свинья...

Они были почти одного роста, Цао Е, будучи пьяным в стельку [2], ничуть не собирался помогать, и Лян Сычжэ, несмотря на все усилия, не смог как следует устроить его у себя на спине — ноги Цао Е волочились по земле.

[2] 醉得像一坨泥" (hē de xiàng yī tān làn ní) буквально означает «напился как куча грязи». Это образное выражение, которое описывает человека в состоянии сильного алкогольного опьянения, когда он не может контролировать свои движения и действия.

Цао Е на спине Лян Сычжэ тоже было крайне неудобно. Лопатки Лян Сычжэ упирались ему в грудь, а выбившаяся из пучка прядь волос то и дело колола его в щёку, вызывая неприятный зуд. Недолго думая, он ухватился за эту прядь. Лян Сычжэ замер. Ему захотелось сбросить Цао Е в ближайший мусорный бак. Физический контакт он мог терпеть, но трогать волосы — это уж слишком. Цао Е, ничего не подозревая, в следующий миг стянул с его волос резинку. «Вот же засранец! Он нарочно, что ли?» — Лян Сычжэ стиснул зубы, повернул голову и сквозь зубы процедил:

— Жить надоело?

— Мне так плохо... — пробормотал Цао Е охрипшим голосом.

Лян Сычжэ не мог понять, притворяется тот или нет. За последние дни он понял, что Цао Е виртуозно изображает невинность. Но сейчас он выглядел таким жалким. Лян Сычжэ, тряхнув распущенными волосами, подавил порыв бросить свою ношу в мусорный бак и зашагал вперёд, волоча Цао Е на спине.

Устранив помеху в виде скрученных в пучок волос, Цао Е опустил голову, прижавшись щекой к затылку Лян Сычжэ. Сквозь волосы Лян Сычжэ чувствовал тепло щеки Цао Е и его горячее дыхание на своей шее. От этого ему стало не по себе. Он задержал дыхание и ускорил шаг. Посетители лавочек с любопытством наблюдали за этой сценой. Не обращая на них внимания, Лян Сычжэ, собрав все силы, упорно шёл вперёд, пока, наконец, не дотащил Цао Е до «Лазурной вечеринки». Когда он остановился у деревянных ступеней и смерил взглядом три лестничных пролёта, самообладание, которое он с трудом сохранял весь вечер, окончательно его покинуло. Ведь это его унизили сегодня днём, так почему сейчас Цао Е валяется тут дохлой свиньёй? «Логичнее было бы, если это я напился до беспамьтства, а потом Цао Е тащил

меня на себе!» — подумал Лян Сычжэ.

Автору есть что сказать: скоро. Возможно, ещё одна или две главы, а затем будет следующая взрослая часть...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130234>